

Дебаты о рабстве и развитие экономической мысли: о книге К. Уден-Бастид и Ф. Стейнера «Расчет и мораль»

Кадочников Денис Валентинович

Санкт-Петербургский государственный университет; МЦСЭИ «Леонтьевский центр», Россия
e-mail: d.kadochnikov@spbu.ru

Цитирование: Кадочников Д.В. (2024). Дебаты о рабстве и развитие экономической мысли: о книге К. Уден-Бастид и Ф. Стейнера «Расчет и мораль». *Terra Economicus* 22(4), 151–159. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-4-151-159

Статья посвящена обзору вышедшей на русском языке в 2024 г. книги Каролин Уден-Бастид и Филиппа Стейнера «Расчет и мораль. Издержки рабства и цена освобождения (XVIII–XIX века)». Авторы обращаются к истории французских дебатов о рабстве, попытках оценки его экономической (не)эффективности, дискуссиях о необходимости и путях освобождения рабов и о последующей перестройке рынка труда и в целом экономики в колониальных владениях Франции. Учитывая, что рабовладение на протяжении долгого времени было одним из важнейших экономических столпов западноевропейских колониальных империй, неудивительно, что соответствующая тематика была в числе наиболее широко обсуждавшихся вопросов в то время, когда зарождалась экономическая наука. Рассматривая использовавшуюся сторонниками и противниками рабства риторику и аргументацию, Уден-Бастид и Стейнер показывают, как в XVIII–XIX вв. постепенно возрастала значимость экономических оценок и расчетов, которые использовались как противниками, так и сторонниками рабовладения в качестве все более важного дополнения к традиционным аргументам морального плана. Этому способствовали, с одной стороны, секуляризация и рационализация морали в Европе эпохи Просвещения, а с другой стороны – развитие политической экономии, представители которой вдохновлялись наблюдаемым прогрессом в естественных науках. В попытках доказать свою правоту и опровергнуть доводы оппонентов, участники дебатов о рабстве развивали концептуальный аппарат и методологический инструментарий экономического анализа. Основанная на обширном спектре источников, книга Уден-Бастид и Стейнера представляет интерес и как описание значимого эпизода в истории экономики и экономической мысли, и как исследование движущих факторов и логики развития общественно-экономической и общественно-политической мысли.

Ключевые слова: рабство; мораль; экономический анализ; Франция; колонии

Debates on slavery and the development of economic thinking: About the book “Calculation and Morality” by C. Oudin-Bastide and Ph. Steiner

Denis V. Kadochnikov

Saint Petersburg State University; ICSE Leontief Centre, Russia,
e-mail: d.kadochnikov@spbu.ru

Citation: Kadochnikov D.V. (2024). Debates on slavery and the development of economic thinking: About the book “Calculation and Morality” by C. Oudin-Bastide and Ph. Steiner. *Terra Economicus* 22(4), 151–159 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-4-151-159

The paper reviews the book “Calculation and Morality. The Costs of Slavery and the Price of Emancipation (XVIII–XIX centuries)” / “Calcul et morale. Coûts de l’esclavage et valeur de l’émancipation (XVIIIe–XIXe siècle)” by Caroline Oudin-Bastide and Philippe Steiner, published in Russian in 2024. The authors address the history of French debates on slavery. They examine attempts to assess the economic efficiency of slavery, as well as discussions about the need for and ways to free slaves and restructure the labor market and economy in French colonies. Given that slavery has been a key economic pillar of Western European colonial empires for a long time, it’s not surprising that this topic was among the most widely discussed issues when the discipline of political economy was emerging. Oudin-Bastide and Steiner examine the rhetoric and arguments used by both supporters and opponents of slavery in the XVIII–XIX centuries. They show how economic estimates and calculations gradually gained popularity among both sides as an important addition to traditional moral arguments. This shift was due to the secularization and rationalization of morality in Europe during the Enlightenment Age. Furthermore, political economists were inspired by the progress in natural sciences, which they saw as a model for their own field. In their effort to prove their point of view and refute the arguments of their opponents, participants in the debates on slavery contributed to the development of the conceptual framework and methodological tools for economic analysis. Based on a wide range of sources, the book by Oudin-Bastide and Steiner gives an interesting description of a significant episode in economic history and the history of economic thought. It also provides a comprehensive account of the factors that drive the development of social, economic, and political thought and the underlying logic behind it.

Keywords: slavery; morality; economic analysis; France; colonies

JEL codes: B1, B41

Введение

Что определяет направление развития экономической мысли, заставляет исследователей концентрировать свой исследовательский интерес на одних вопросах и, при этом, обходить вниманием другие? Причин множество, но в числе важнейших детерминант можно с уверенностью назвать господствующие в обществе ценностные установки и этические нормы, претендующие на истинность и до некоторого момента (под воздействием привычки, традиций, табу, культурных и/или институциональных ограничений) принимаемые за незыблемые и не требующие доказательств и обсуждений. Принятие этих норм за данность может создавать своего рода слепые зоны в научной картине мира, которые до поры до времени восполняются нормативными этическими суждениями, позволяющими при неполноте научного знания все же поддерживать целостный и непротиворечивый образ действительности. Однако накопление научных знаний неизбежно поднимает вопрос об основаниях тех или иных этических установок, побуждает исследователей, вопреки прежнему табу на обсуждение определенных вопросов, либо подкреплять

их научными доводами, либо пытаться опровергнуть. Выход в пространство неизведанного и ранее не подлежавшего обсуждению заставляет искать, совершенствовать или создавать с нуля методологию исследования и даже сам язык дискуссий и аргументации, формировать новую риторику.

В истории экономического анализа значимым направлением такого обновления методологии и риторики через преодоление прежних красных линий стал период дебатов о рабстве, которое долгое время было одним из столпов европейской колониальной системы. Когда речь заходит об экономическом анализе рабства, неспециалистам в первую очередь вспоминаются часто и широко цитируемые работы американских клиометристов Фогеля и Энгермана (Fogel and Engerman, 1974; Fogel, 1989), громкий резонанс которых во многом был обусловлен тем, что хотя авторы однозначно заявили о своем осуждении рабства с моральной точки зрения, их выводы об экономической эффективности рабовладельческих хозяйств перед Гражданской войной в США вызвали ожесточенную критику. Между тем, экономический анализ рабства Фогеля и Энгермана, при всех его достоинствах (включая в первую очередь использование обширного фактологического и отчетно-статистического исходного материала), не был в основе своей чем-то беспрецедентным и революционным – скорее, он был ярким звеном в длинной череде работ, посвященных экономическим аспектам рабства и создававшихся на протяжении нескольких столетий.

Анализу истории французских политико-экономических дискуссий по этому вопросу посвящена вышедшая в 2024 г. в Издательстве Института Гайдара книга Каролин Уден-Бастид и Филиппа Стейнера «Расчет и мораль. Издержки рабства и цена освобождения (XVIII–XIX века)» (перевод с французского О.Е. Волчек, под научной редакцией С.Л. Фокина) (Уден-Бастид, Стейнер, 2024); первое французское издание вышло в 2015 г. (Oudin-Bastide and Steiner, 2015). Эта работа признанных экспертов по истории рабства представляет собой исследование последних нескольких десятилетий существования рабовладения (до его окончательной отмены в 1848 г.) как экономического института во французских колониальных владениях. В центре внимания авторов – дискуссии в академической литературе и публицистике (главным образом французской) того времени, посвященные возможности и целесообразности отмены и/или сохранения рабовладения, о возможных путях освобождения рабов и о последующей трансформации экономики во французских колониях. В эти дискуссии были вовлечены многие из мыслителей, чьи имена прочно вошли в историю политической экономии, а использовавшиеся ими при этом аргументы, концепции и расчеты способствовали развитию методологии экономического анализа.

Место дебатов о рабстве в истории политико-экономической мысли

В контексте истории становления политической экономии тематика, связанная с рабством, рабовладением и работорговлей, не могла не быть предметом внимания и острых дискуссий в то время, когда экономическое функционирование западноевропейских империй в значительной степени основывалось на этих явлениях. В попытках осмысления и обсуждения феноменов стоимости, производительности, формирования и распределения доходов, налогообложения, международной торговли и многих других, основоположники экономической науки в XVIII–XIX вв. не могли не столкнуться с необходимостью учета феномена рабства. Пусть к тому времени и ушедшее в прошлое в самой Западной Европе, оно все еще оставалось одним из основополагающих институтов в колониальных владениях западноевропейских держав и занимало соответствующее место в общественно-политическом и общественно-экономическом дискурсе. Анализ экономических сторон рабства в силу этого был одним из аспектов становления экономической науки; в соответствующих дискуссиях (в том числе, во всяком случае) зарождались и отработывались разнообразные способы теоретико-экономического описания действительности, оттачивались методологические инструменты политической экономии. Между тем, во многих современных обзорах и учебниках по истории экономической мысли этот, казалось бы, очевидный факт либо игнорируется, либо оказывается отодвинут далеко в тень. Вероятно, в какой-то мере неосознанно, современные авторы склонны в первую очередь обращаться к истокам теоретических концепций и идей, актуальных для современной экономической науки, вследствие чего многие темы, в свое время вызывавшие живой интерес и бурные споры, не привлекают их внимания. Это, однако, серьезно искажает историю экономической мысли, ведь даже если пред-

мет тех или иных споров сам по себе утратил актуальность, использовавшиеся при этом способы аргументации и контраргументации пополнили багаж науки и могут сохранять свою актуальность по сей день. Споры вокруг рабства, рабовладения и работорговли – это как раз такой случай. Пусть сам предмет споров вроде бы в основном остался в прошлом (впрочем, скорее как формальный институт; теперь уже повсеместно запрещенные, незаконные рабство и торговля людьми в глобальном масштабе все же встречаются и не настолько редко, чтобы их игнорировать – см., например: Линькова, 2010; кроме того, уже в XXI в. во многих странах вопросы современных последствий рабства вновь стали темой острых общественных дискуссий (Губанова, 2017)), но проявившиеся в ходе тех споров методологические вопросы по-прежнему представляют интерес, о чем свидетельствует разбираемая далее работа Каролин Уден-Бастид и Филиппа Стейнера.

Рационализация морали в эпоху Просвещения и расширение задач экономического анализа

Авторы книги «Расчет и мораль» обращают внимание читателя на то, что споры XVIII–XIX вв. о рабстве опирались в значительной степени на два рода аргументов: этические (и в этом отношении шли в русле уже известных суждений) и экономические (и в этом отношении открывали новую эпоху в экономической мысли). Впрочем, выделяя эти подходы к аргументации, было бы неверно противопоставлять их друг другу. Мыслители эпохи Просвещения, скорее, рассматривали новый, экономический способ аргументации и анализа рабства как развитие его этического анализа и оценки. На протяжении веков в Европе господствовало понимание морали как порождения и элемента религии. В период Просвещения на фоне прогресса в естественных науках и поиска компромисса между рационализмом и эмпиризмом как методологическими установками постепенно приходят попытки нового осмысления генезиса этических норм. Мыслители эпохи Просвещения уже не вполне удовлетворены попытками обоснования и анализа морали на основе лишь отсылок к библейским заповедям или суждениям церковных авторитетов; они пытаются объяснить генезис моральных норм рационалистически, показывая, почему для составляющих общество здравомыслящих людей следование той или иной норме (или отказ от какой-либо альтернативной нормы) является разумным и выгодным и как общество в целом и отдельные индивиды выигрывают от этого в долгосрочной перспективе (о развитии взглядов на генеалогию морали см. также: Macintyre, 1981; Мартыянов, 2022).

Уден-Бастид и Стейнер в качестве иллюстрации трансформации взгляда на мораль используют отсылку к меняющимся описаниям и оценкам таких явлений, как «мораль», «рабство», «свобода» и ряда других во французских словарях и комментариях к ним – от преимущественно религиозных в конце XVII в. ко все более рационалистическим и секулярным во второй половине XVIII в., от принятия рабства как данности в первых французских словарях и политико-экономических трактатах к осуждению его как преступления в «Духе законов» Монтескье и в ряде статей «Энциклопедии» под редакцией Дидро и Д'Аламбера.

Отражением этой перемены в отношении к морали являются и новые подходы к обоснованию и критике правовых норм: на смену религиозным и этическим (в свою очередь, отсылающим к религии) аргументам (или, как минимум, в дополнение к ним) приходят попытки анализа последствий выбора той или иной правовой нормы с точки зрения индивидуального и общественного блага, зарождается утилитарное понимание нравственности (см.: Разин, 2017). В первую очередь это касалось открыто используемой аргументации и риторики, поскольку скрытый или непубличный учет вполне мирских и даже меркантильных соображений в нормотворчестве существовал и до этого, пусть и в завуалированном религиозной риторикой виде.

Тем не менее, сводить все только к изменению риторики неверно, ведь постепенно менялось и мышление – становление капитализма происходило одновременно с обмирщением и рационализацией мышления, когда постепенно сужался круг сакральных и не подлежащих сомнению и обсуждению вопросов и, напротив, расширялся круг вопросов профанных, мирских, поиск ответов на которые допускал и подразумевал сомнения, эксперименты и расчеты. Осмыслению этого процесса посвящены, в частности, работы Макса Вебера (Вебер, 2016). Возможности оценки и сравнения последствий альтернативных политических решений, шагов и норм оказывается тем

шире, чем большему числу вещей можно присвоить денежную оценку, и чем более обоснованной является соответствующая оценка. Адекватная реалиям денежная оценка любой вещи (и, соответственно, различных путей ее использования) возможна при условии, что эта вещь, может быть, и является предметом регулярного рыночного оборота (т.е. является профанной, а не сакральной). Процесс становления капитализма в Западной Европе был тесно связан с превращением все большего числа вещей (в первую очередь, конечно, земли) в товар, с их введением в регулярный и неограниченный оборот, что позволяло принимать все более и более рациональные решения, основанные на экономических расчетах, а не на традициях и/или эмоциях. В этом контексте использование расчетов для принятия решений, деловых и политических, и для оценки тех или иных явлений становится все более и более распространенной практикой, охватывающей все более широкий спектр вопросов.

Важную роль в интересе к расчетам со стороны обществоведов сыграли и успехи в области естественнонаучного знания (о влиянии прогресса в естественных науках на становление экономической теории см., например: Ананьин, 2023). Первые попытки в этой области были предприняты еще в XVII в. в Англии, где Уильям Петти в 1690 г. публикует «Политическую арифметику», описывая новый подход к аргументации, основанный на сопоставлении измеримых величин, а не на эмоциях и предпочтениях автора. Эта идея находит почитателей и во Франции, где с середины XVIII в. Франсуа Кенэ и его соратники-физиократы последовательно используют расчеты не только как административный инструмент, но и как ключевой способ анализа и обоснования политических решений, тем самым развивая способы теоретико-экономической аргументации и меняя риторику экономической науки (см.: Расков, 2005). Расчеты становятся способом обоснования такой категории, как «интерес», которая в это время начинает использоваться для описания мотивов поведения индивидов, классов и государств.

Оценка экономической (не)эффективности рабства – аргумент в пользу его (не)этичности?

Исследование Уден-Бастид и Стейнер показывает, что в XVIII в. экономические расчеты начинают все чаще фигурировать в обсуждении рабства в европейских колониях, целесообразности и возможности его сохранения или отмены. В это время экономические расчеты и соответствующую аргументацию берут на вооружение как сторонники освобождения рабов, так и сторонники сохранения рабства. При этом ни первые, ни вторые (за отдельными исключениями) не противопоставляют экономические оценки этическим, а, наоборот, пытаются расчетами подкрепить моральность собственной точки зрения и/или аморальность точки зрения оппонентов. Для аболиционистов, впрочем, исходная – моральная – основа их неприятия рабства продолжает апеллировать к идее свободы как естественного состояния человека; эта идея не обосновывается ими при помощи расчетов, а возводится к христианскому учению (вернее, к их собственной трактовке этого учения, ведь у средневековых христианских философов и теологов однозначного мнения на счет допустимости рабства не было (Линькова, 2012)). Аболиционисты используют экономические расчеты скорее для демонстрации наличия альтернатив рабскому труду и несостоятельности аргументов сторонников рабства, а равно и тех, кто, осуждая рабство в принципе, страшился социально-экономических пертурбаций в колониях, которые может вызвать отмена этого института. Для сторонников рабства как раз предполагаемые катастрофические социально-экономические и политические последствия освобождения рабов (для плантаторов, для колониального общества и даже для самих рабов) были основным аргументом в пользу его сохранения и главным предметом экономических оценок; в данном случае расчеты были нацелены на то, чтобы показать, что не существует экономически оправданной альтернативы институту рабства – ни для колоний, ни для плантаторов, ни для самих рабов, а значит, отмена рабства могла бы лишь ухудшить благосостояние всех и каждого в отдельности (включая рабов) и в силу этого не могла считаться морально оправданной; критерием этичности сохранения существующей системы в данном случае выступает обоснованное расчетами ожидаемое ухудшение социально-экономического положения всех жителей колоний. Для аболиционистов основанная на расчетах оценка экономической (не)эффективности рабства является контраргументом, дополняющим основной, моральный аргумент, в полемике со сторонниками рабства, при этом «дополнительность» не означает «второстепенность», ввиду эволюцио-

нирующих представлений об истоках моральных норм. Для сторонников рабства расчеты становятся основным аргументом, призванным показать, что с точки зрения общественного благосостояния (не включая и рабов) отмена рабства будет большим злом, чем его сохранение.

Каролин Уден-Бастид и Филипп Стейнер отсчитывают историю использования экономических расчетов как аргумента в спорах об отмене рабства во французских колониях с 1771 г. В этом году, спустя почти четверть века после того, как к освобождению рабов призвал Монтескье в «Духе законов» (в 1748 г.), вышли две статьи физиократа Пьера Самюэля дю Пона (после революции использовавшего имя Дюпона де Немура), где автор вводит экономические, основанные на расчетах, аргументы против рабства; примерно в те же годы с анализом и осуждением рабства выступают и другие физиократы (аббаты Бодо и Рубо). Дальнейшие дебаты о рабстве вплоть до его окончательной отмены в колониях Франции в 1848 г. развиваются в значительной степени в русле количественных оценок рабства и его альтернатив. Расчеты могут быть убедительными при условии, во-первых, их методологической состоятельности и, во-вторых, при условии доступности качественных данных, на которых соответствующий метод может быть проверен и усовершенствован. Вследствие этого развитие использования расчетов в дебатах о рабстве определялось двумя взаимосвязанными процессами – с одной стороны, развитием и повышением доступности отчетных данных и статистики, а с другой стороны – развитием методологии экономического анализа. В том, что касается спектра и доступности исходных данных, преимущество изначально было на стороне плантаторов и властей колоний; сторонники отмены рабства долгое время были вынуждены руководствоваться приблизительными цифрами или догадками, что неизбежно подрывает качество их расчетов и их аргументации. Официальная статистика по вопросам рабского труда начинает собираться и публиковаться лишь во второй четверти XIX в.

Первые попытки экономического анализа рабства, таким образом, были существенно ограничены недоступностью статистики и необходимостью использования оценочных данных и допущений. Вполне естественно, что в этой ситуации экономический анализ рабства начался с относительно простой задачи микроуровня – попытки экономического сравнения рабства и альтернативного ему свободного труда с точки зрения плантаторов. Такая постановка вопроса встречается в это время не только у Дюпона, но и, к примеру, у Бенджамина Франклина и других авторов; однако именно Дюпон первым предпринимает попытку подтвердить свою идею конкретными цифрами (многие из которых являются лишь его предположениями), стараясь показать, что свободный труд с точки зрения соотношения издержек и результатов выгоднее рабского, а значит, рабство и аморально, и невыгодно; он идет еще дальше, утверждая, что аморальность и противоестественность рабства неразрывно связаны с его экономической неэффективностью. С расчетами Дюпона не соглашались не только сторонники сохранения рабства, указывающие на ошибки в цифрах (в частности, на неверные оценки стоимости свободной рабочей силы), но и некоторые из противников рабства, например, Тюрго, который, считая рабство аморальным, все же в частной переписке объяснял Дюпону, что для плантаторов оно экономически выгоднее, и именно поэтому столь живуче.

Подход к экономическому анализу (не)эффективности рабства, у истоков которого стоял Дюпон, развивался впоследствии другими аболиционистами, в частности Бенжаменом-Сигизмоном Фроссаром и Андре-Даниэлем Лаффоном де Ладеба. Основные методологические вопросы в рамках данного подхода сводились к сопоставлению производительности (а точнее, продукта) рабского и свободного труда, с одной стороны, и затрат на рабский и свободный труд – с другой стороны. Эти вопросы, на первый взгляд простые, в действительности были очень сложны: в отсутствие возможности проведения экспериментов исследователи были вынуждены строить свои рассуждения на умозрительном сопоставлении опыта колоний, где преобладал рабский труд, а свободные работники занимали очень узкую нишу, и опыта европейских стран, где рабство отсутствовало; при этом фактически игнорировался как социально-экономический контекст производства и формирования затрат, так и природно-климатические факторы производства. Расхождения в расчетах между разными авторами, соответственно, обуславливались тем, какие затраты они считали нужным учитывать в составе затрат на рабский труд, как они оценивали затраты на призванный заменить рабов свободный труд, а также тем, как именно они оценивали продуктивность рабского и свободного труда. Соответствующие дискуссии способствовали совершенствованию подходов к оценке величины и классификации типов затрат – постоянных (капитальных), переменных (текущих), явных, альтернативных и т.п., а также к оценке величин продукта и дохода.

В 1788 г. соратник Тюрго и Дюпона маркиз де Кондорсе предпринимает попытку вывести анализ на макроуровень и показать, что сравнительная экономическая эффективность рабства для рабовладельцев (вопреки изначальным расчетам Дюпона) сочетается с его неэффективностью для общества в целом, поскольку, увеличивая частный доход плантаторов, оно не позволяет увеличить валовый доход колонии в целом. Так или иначе, авторы-аболиционисты использовали расчеты, чтобы доказать, что если не плантаторы, то нация в целом выиграет от отмены рабства.

Использование аболиционистами расчетов для обоснования своей позиции в сочетании с объяснимыми изъянами в используемых исходных данных вызывает соответствующую реакцию у сторонников сохранения рабства, которые включаются в дебаты как с традиционными для них аргументами (например, умозрительно утверждая, что страдания, которые бы испытывали рабы-пленники у себя на родине, вероятно, были бы больше, чем на плантациях и т.д., и т.п.), так и с новыми расчетами. Так, в 1777 г. Эмильен Пети, юрист, противник отмены рабства, публикует статью, в которой разбирает расчеты и упущения Дюпона, делая особый упор на измерении потенциальных общественных затрат в случае замены рабов свободными работниками; при этом он учитывает не только собственно заработную плату и затраты на переселение свободных работников в колонии, но и затраты на предоставление этим свободных гражданам ряда ожидаемых от государства услуг и общественных благ. Позднее, уже после Французской революции, когда вопрос о сохранении или отмене рабства в колониях начинает активно обсуждаться в верхах, к полемике подключаются уже колонисты-рабовладельцы, используя собственные (в том числе бухгалтерские) данные и расчеты. Доступность бухгалтерских книг и знакомство с местной спецификой, казалось бы, давали серьезное преимущество при расчетах. Но как показывают Уден-Бастид и Стейнер, проанализировав сочинения таких авторов – выразителей интересов колониальных плантаторов, как Николя Франсуа-Жакмар, Дюбук де Марантий, Франсуа-Паскаль Делатр де Монфлери, Поль-Эдме де Сен-Сиран и др., колониальные реалии обусловили иной тип ошибок в их расчетах. Дело в том, что затраты на содержание рабов в колониальных поселениях носили в значительной степени натуральный характер, рабы сами обеспечивали себя продовольствием, шили одежду и т.д., в связи с чем бухгалтерские данные и опирающиеся на них расчеты заведомо занижали затраты на рабский труд; выводы, впрочем, вполне удовлетворяли рабовладельцев, показывая, что отмена рабства будет разорительной для хозяйства колоний. Среди аргументов, заслуживающих внимания с точки зрения глубины понимания экономики у этих авторов, стоит отметить указание на то, что замена рабов на наемных работников, работающих за денежные выплаты, подразумевает необходимость изменения специализации плантаций, повышения степени товарности сельскохозяйственного производства и перехода на менее трудоемкие культуры, что, в свою очередь, должно повлиять на структуру торговли колоний с метрополией и с другими странами, потенциально повысив зависимость Франции от стран-конкурентов.

Новые вопросы в связи с подготовкой отмены рабства и развитие методологии экономического анализа

Начало XIX в., по мнению Уден-Бастид и Стейнера, было временем некоторого ослабления расчетной риторики в дебатах о рабстве. На это повлияла как политическая ситуация (революция, наполеоновские войны, последующая реставрация монархии), из-за которой сам предмет дебатов на некоторое время отошел на второй план, так и изменение ориентиров в экономической науке. Растущая популярность подхода к анализу рабства Адама Смита снизила интерес к количественному разбору сравнительной эффективности рабского труда. Основоположник классической политической экономии исходил из того, что свободный работник лучше мотивирован и более производителен, чем раб, а устойчивость рабства, в иной ситуации экономически неэффективного, объяснял в частности самой системой колониальной торговли, ограничивающей конкуренцию и искажающей цены; дополнительной причиной выступает стремление рабовладельцев к господству. Такие представители классической политической экономии, как Жан-Батист Сэй и Жан де Сисмонди, также были склонны к осуждению рабства по принципиальным моральным соображениям, а не на основе расчетов: последний вообще избегал такого рода расчетов, а первый, предприняв ряд попыток, склонялся скорее к тому, что рабство с сугубо экономической точки зрения не является неэффективным.

Между тем, на фоне бурных событий во Франции и за ее пределами перед обществоведами встают новые задачи прикладного плана. Во Франции последние крепостнические привилегии упраздняются в 1789 г.; на фоне Революции в 1791 г. предоставлена свобода второму поколению рабов во французских колониях; в 1794 г. провозглашена отмена рабства во Франции и ее владениях, но уже 1802 г. рабство в колониях восстановлено. В 1807 г. в Великобритании принимается Акт о запрете работорговли, в соответствии с которым предпринимаются активные действия по прекращению торговли рабами на западном побережье Африки. Как в Европе, так и в Новом Свете разворачиваются процессы, которые заставляют ученых (в том числе во Франции) задуматься уже не столько о том, следует ли отменить рабство, сколько о том, когда и на каких условиях это будет сделано, в частности – следует ли выплачивать компенсацию рабовладельцам при освобождении рабов или нет.

Отмена рабства в британских колониях в 1833 г. и для abolitionистов, и для сторонников рабства во французских колониях стала квази-экспериментом, результаты которого можно было оценить и сделать выводы для французских колоний. В это время (а до отмены рабства во французских колониях оставалось еще 15 лет), с одной стороны, появились новые данные, в частности, о последствиях перехода к наемному труду на плантациях. С другой стороны, поскольку отказ от одного из основополагающих институтов на практике не мог пройти безболезненно, воспряли сторонники сохранения рабства или выплаты существенных компенсаций бывшим рабовладельцам. На этом фоне интерес к расчетам в дебатах о политике в отношении рабства вновь вырос. При этом расчеты уже велись различными комиссиями, созданными государством и нацеленными на обоснование величины компенсации при отмене рабства со стороны правительства, определение условий использования земельных участков освобожденными рабами, минимального уровня заработных плат после освобождения рабов, путей сохранения отраслевой специализации колоний и т.п. Важный вклад в соответствующие исследовательские работы внесли Поль Лавалле, Андре Кошю, Алексис де Токвиль и др.

С точки зрения развития методологии экономического анализа в XIX в. наибольший интерес в данном случае представляют работы, посвященные сопоставлению производительности рабского и свободного труда. В то время сама концепция «производительности» еще не существовала, войдя в обиход уже ближе к концу столетия. И тем не менее, попытки сопоставить продукт труда в разных условиях, несомненно, способствовали развитию понимания связи между факторами производства и его результатами, что уже в следующем веке станет одной из центральных тем экономической теории. Первые французские исследования, основывающиеся не на предположениях, а на достоверных цифрах сопоставления, по мнению Уден-Бастид и Стейнера, относятся к 1842 г., когда видный статистик Моро де Жоннес проанализировал на материале нескольких французских колоний обрабатываемые площади в расчете на одного прикрепленного раба. По его расчетам, один раб во французских колониях обрабатывал в среднем 65 аров земли (75 аров, если учитывать только сельскую местность). В Великобритании же в это же время на одного земледельца приходилось в три раза больше обрабатываемой земли – 167 аров.

Уден-Бастид и Стейнер отмечают, что переход от попыток сравнения стоимости рабского и наемного труда к попыткам сопоставления производительности рабов и наемных работников позволяет говорить о переходе от статического анализа к динамическому анализу, от рассуждений об экономической (не)эффективности рабства к прогнозированию экономического будущего колоний. Одновременно исследования о продукте / производительности стимулируют новые споры – о том, что обуславливает эти различия. Связана ли низкая производительность рабов с принудительным характером труда (эту идею отстаивают abolitionисты) или же с врожденными расовыми особенностями рабов (на что упирают сторонники рабства) либо с расслабляющим свойством жаркого климата? Поиски ответов на эти вопросы с привлечением свидетельств из колоний, которые активно идут в начале XIX в., можно рассматривать в контексте зарождения экономической антропологии и поведенческой экономики. Дебаты о потребностях и мотивах хозяйственной деятельности рабов до и после освобождения в сравнении с европейскими крестьянами и о причинах наблюдаемых или предполагаемых различий стали важной страницей в осмыслении мотивации и рациональности хозяйствующих субъектов. В практическом плане эти дебаты были важны при поиске ответа на вопрос о том, будут ли бывшие рабы в отсутствие принуждения заинтересованы в максимизации своих заработков (а значит, и в максимизации предложения труда), что позволит и плантаторам добиться максимизации выпуска, или же, удовлетворив минимальные потребности, предпочтут максимизировать возможности досуга. Ввиду опасений последнего предлагались разные политические решения,

включая, например, стимулирование конкуренции между освобожденными рабами и новыми переселенцами из Европы, стимулирование новых потребностей у освобожденных рабов, либо принятие законов против бродяжничества и попрошайничества (что в итоге и было сделано).

***

Труд Уден-Бастид и Стейнера представляет интерес как с точки зрения изучения истории экономики и экономической мысли, так и в контексте исследования возможных подходов к анализу, критике и обоснованию политических решений, осмыслению роли экономической аргументации и ее места среди альтернативных и/или дополнительных способов аргументации в общественно-политических спорах. На основе обзора обширного спектра источников авторы книги показали, как в XVIII–XIX вв. экономический анализ рабства стал во Франции предметом активных дискуссий, плодотворных как в смысле воздействия на политику страны, так и в смысле развития методологии прикладного экономического анализа. Попытки дать подкрепленную расчетами экономическую оценку сравнительной неэффективности рабского труда, подготовить план перестройки правовых и экономических отношений плантаторов и освобожденных рабов, сформулировать подходы к государственному регулированию рынка труда после отмены рабства способствовали развитию концептуального аппарата и методологического инструментария политической экономии.

Литература / References

- Ананьин О. (2023). Как возникла экономическая наука: конкурс проектов. *Вопросы экономики* (3), 5–23. [Ananyin, O. (2023). How has economic science emerged: Competition of blueprints. *Voprosy Ekonomiki* (3), 5–23 (in Russian)].
- Вебер М. (2016). *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*: в 4-х т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Weber, M. (2016). *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*: in 4 vols. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Губанова Е. (2017). Рабство и работорговля как факторы развития и становления политических институтов общества. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право»* 7(1), 74–80. [Gubanova, E. (2017). Slavery and slave trade as the factors of development and formation of political institutions of a society. *Proceedings of Southwest State University* 7(1), 74–80 (in Russian)].
- Линькова О. (2010). Сущность современного рабства. *Социология и жизнь* (2), 62–67. [Linkova, O. (2010). The essence of modern slavery. *Sociology and Life* (2), 62–67 (in Russian)].
- Линькова О. (2012). Философское осмысление рабства: от Гераклита до Бердяева. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* (1), ч. 1, 109–114. [Linkova, O. (2012). Philosophical understanding of slavery: from Heraclitus to Berdyaev. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Issues of Theory and Practice* (1), part 1, 109–114 (in Russian)].
- Мартыанов В. (2022). Генезис и ценностно-институциональная эволюция Модерна. *Антиномии* 22(3), 42–71. [Martyanov, V. (2022). The genesis and value-institutional evolution of Modernity. *Antinomies* 22(3), 42–71 (in Russian)].
- Разин А. (2017). Исторические формы морали и современная этика. *Философия и общество* (1), 61–91 [Razin, A. (2017). Historical forms of morality and modern ethics. *Philosophy and Society* (1), 61–91 (in Russian)].
- Расков Д. (2005). Экономическая теория как риторика. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика* (3), 13–30. [Raskov, D. (2005). Economics as a rhetoric art. *St Petersburg University Journal of Economic Studies* (3), 13–30 (in Russian)].
- Уден-Бастид К., Стейнер Ф. (2024). *Расчет и мораль. Издержки рабства и цена освобождения (XVIII–XIX века)*. М.: Издательство Института Гайдара; СПб: Центр экономической культуры. [Oudin-Bastide, C., Steiner, Ph. (2024). *Calculation and Morality: The Costs of Slavery and the Value of Emancipation (XVIII–XIX centuries)*. Moscow: Gaydar Institute Press; St. Petersburg: Center of Economic Culture Publ. (in Russian)].
- Fogel, R. (1989). *Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery*. New York: Norton.
- Fogel, R., Engenman, S. (1974). *Time on the Cross: The Economics of American Slavery*. Boston: Little, Brown and Company.
- Macintyre, A. (1981). *After Virtue. A Study in Moral Theory*. Notre Dame: Notre Dame University Press.
- Oudin-Bastide, C., Steiner, Ph. (2015). *Calcul et morale. Coûts de l'esclavage et valeur de l'émancipation (XVIIIe–XIXe siècle)*. Paris: Albin Michel.